

Как если бы... (рассказ)¹

Посвящается маме

«Но преобразуйтесь обновлением ума вашего...»

(Послание к римлянам, гл.12:2)

Для меня никогда не составляло труда поставить себя на место другого. Например, я всегда обостренно чувствовал чужую боль (почти физически, даже физиологически). Если это была боль близкого мне человека или любимого животного, то я переживал ее неоднократно. Когда вокруг меня говорили о воровстве, я очень часто боялся, что заподозрят в совершении преступления именно меня. Затем, когда такая позиция, внутреннее мое поведение стали эволюционировать, развиваться (ведь при росте человека растут и его проблемы, акцентуации характера) я начал понимать, что ощущаю себя в подобных случаях не просто как человек, который боится, что его заподозрят, но как тот, кто играет того, другого, в действительности виновного, но имитирующего невинного. Со временем границы между игрой и реальностью стали размываться.

Сначала я удивлялся и поражался этому: ведь я-то знаю, что я не вор, знаю, что я не обманываю, но внутренне я ощущал себя так, как если бы совершал все эти преступления.

Я старался не думать об этом, боролся, но судьба словно нарочно сталкивала меня с ситуациями, в которых тема вероятного преступления возникала нередко (а может быть, моя обостренная чувствительность многократно усиливала влияние каждого подобного события).

¹ Впервые опубликовано: Е.В. Сафронов *Жонглер и другие рассказы*. Ульяновск, 2011. С. 79-112.

В любой ситуации возможного подозрения (даже в супермаркете, когда на мне останавливался безразличный взгляд охранника) внутри меня срабатывала какая-то программа, и я бледнел при одной мысли о том, что некто может подумать обо мне как о преступнике.

Я действительно боролся с этим; четко осознавал, что это ненормально, что нужно менять себя и свое внутреннее поведение, иначе недалеко до беды. Но всё было бесполезно...

Естественно, я анализировал возможные причины этого: в самом деле, что заставляло меня так болезненно ставить себя на место виноватого, ощущать всё то, что может чувствовать потенциальный преступник?.. Но не находил ответа.

Эта моя склонность находила отклик и в художественных произведениях и даже телепередачах. Мне было достаточно услышать о болезни ног, как я тут же чувствовал, что ноги охватывает неподдельная слабость, в икрах или ступнях возникали волнообразные боли и т.п. – в общем, симптомы совпадали с тем, что описывалось в рассказах и кинофильмах. При виде человека, стоящего на краю пропасти или на крыше высокого дома, сердце сжималось и мне становилось физически плохо...

В возрасте 16-17 лет такая моя особенность получила мощную поддержку со стороны сновидений.

Помню целую серию снов, в которых я чувствовал себя совершенно другим человеком – как внешне, так и внутренне. Я работал в каком-то офисе и был жутким бабником и ловеласом; соблазнял женщин не столько из-за стремления к удовольствию, сколько с целью получить мелкую выгоду, – вплоть до того, чтобы заработать лишний «бонус» в виде офисной бумаги от кладовщицы или просто «на всякий случай».

Фактически я прожил целую жизнь этого донжуана и в итоге очень детально, изнутри пережил духовную катастрофу, внутреннее состояние

человека, который пришел к полному жизненному краху и не знает, как его преодолеть – потому только, что не ведает другой жизни.

Меня поразили не сам сюжет и даже не то, что в течение ночи удалось «пробежать» целую судьбу, а то, насколько глубоко я сросся во сне с внутренней сущностью этого человека, насколько реалистично и с какой неподдельной искренностью я переживал все его взлеты и падения. Не было никакого разделения на сновидца и персонажа сновидения: во сне я – это был он, только и всего.

Примерно через год я испытал новую серию снов, которые не просто взволновали меня, но и существенно повлияли на мое мировоззрение, относительно четкую систему взглядов на ряд вопросов.

В сновидении я прожил жуткую жизнь маньяка, убивающего детей. Поразительны были даже не внешние обстоятельства и отвратительные подробности, а изматывающее душу сопереживание этому персонажу. Это был еще один вариант духовной катастрофы, из которой нельзя никак выбраться – по крайней мере, без внешней помощи.

Проснувшись, я начал размышлять о проблеме наказания за такие чудовищные преступления. И в очередной раз пришел к выводу о необходимости физического уничтожения за эти поступки – подобно тому, как вырезают раковую опухоль. Другого способа борьбы с этим злом (так, чтобы максимально устранить эту конкретную опасность) человечество, я был в этом уверен, еще не придумало.

Так я думал ранее, но сон внес и нечто новое: я понял, как глубоко (безумно глубоко!) несчастны эти люди, то есть сумел встать на их позицию – не абстрактно, не философски, а предельно конкретно и совершенно не разделяя себя и их: я и был одним из них...

Сказать, что меня это напугало, – значит, ничего не сказать. Учитывая мою способность наяву чувствовать себя преступником, ничего кроме страшных угрызений совести за свою «принадлежность» к маньякам, я не испытывал.

Как, как жить с этим далее?! Этот вопрос меня волновал все более... Зачем мне дана способность проживать жизни других так обостренно? После длительных размышлений я понял, что должен найти какой-то выход, какую-то реализацию этой моей склонности, иначе либо сойду с ума, либо найду способ покончить с собой.

Первое, что приходило в голову в качестве возможного выхода – искусство, создание вымышленных миров, жизнь героев которых я мог бы проживать, как свою, и тем самым освобождался бы от излишне обостренных ощущений реальной действительности. Неожиданно вспомнилось, что когда-то, будучи еще подростком, я пробовал себя в прозе. Но что... но что если у меня нет таланта? Плодить бездарные рассказы, от которых и без того душно любому читающему человеку?..

Недолго, однако, сомневаясь, я действительно принялся сочинять нечто в прозе. Получалось скомкано, неумело и по-детски; мне хотелось поскорее приобщить читателя к сложности и яркости своих эмоциональных переживаний, я забывал о сюжете, жил и дышал вместе с героями, поспешно перекладывая воображаемое на бумагу... Когда я писал, то видел происходящее так живо, так убедительно, что не рисковал утяжелять свои сюжеты убийствами и болезнями, поскольку боялся – кроме шуток! – не дожить до следующего эпизода. Написанное казалось мне верхом совершенства, шедевром, – но так, конечно, было только непосредственно во время создания рассказа. Стоило мне вернуться к наброскам, как весь энтузиазм развеивался, словно дым, хотелось всё бросить, всё казалось бессмысленным, безобразным и никому не нужным. Я с удивлением перечитывал созданное и спрашивал себя: неужели эти

бессвязные, написанные будто в угаре эпизоды – то самое, что видел я в своем воображении? Неужто это я так сделал, – и все так плохо, и так глупо...

Оставалось только немедленно уничтожить рукописи и файлы с набранными текстами. И потом я сожалел вдвойне – и о том, что потратил время на написание рассказа, и о том, что в итоге уничтожил его.

Впрочем, несомненная психологическая польза от этого всего была: я стал более спокойно относиться к невольному сопереживанию чужой боли или преступления. В первое время мне даже показалось, что, «переводя в искусство» обостренную способность ставить себя на место другого, я практически избавился от этой патологии, мешающей мне нормально существовать. Обрадовавшись, я тут же забросил сизифов труд по созданию никому не нужных рассказов: «Инерция должна довершить всё остальное: я научился компенсировать свои способности, указав им верное направление! Дело за временем!».

И в самом деле я стал замечать, что теперь увереннее чувствую себя в магазинах. Я даже с нетерпением ожидал ситуации, которая поставила бы меня на место «подозреваемого»: тогда бы я смог окончательно убедиться, что избавился от пагубной особенности своего характера!

Но такого события всё не случилось, зато произошло нечто другое: я влюбился. Мы учились уже на последнем курсе, и до этого времени, озабоченный всех более самим собой, я совершенно ее не замечал. Теперь же Лена показалась мне любопытной и даже – странно-привлекательной, а затем я уверил себя, что жить без нее не могу и, к крайнему своему удивлению, с таким задором и удалью принялся ухаживать за ней, что буквально за месяц отбил двух-трех ее постоянных сопутников, а затем – предложил пожениться.

После свадьбы (была тихая роспись и с десятков приглашенных с обеих сторон) мы перебрались на снимаемую квартиру в северной части города. Вечерами я ловил себя на том, что украдкой смотрю на Лену и не могу понять,

как же это могло так случиться: я столько лет жил один и вдруг – нас двое?.. Затем родился Владик, и семейные заботы совершенно оттеснили на периферию мое болезненное самокопание, чему я втайне радовался безмерно...

Спустя несколько лет случилось это в общем-то мелкое событие, которое, однако ж, потрясло меня и снова пробудило вроде бы забытые способности. Жена с Владиком попали в пустяковую аварию: маршрутка затормозила слишком резко и слишком поздно. Владик с небольшим ушибом ноги и шишкой на голове был доставлен в травмпункт, откуда они вернулись с самыми благополучными прогнозами. Что случилось со мной, почему это так повлияло на меня – трудно сказать. Сын и раньше иногда болел, однако же я никогда не ощущал его симптомов на себе (по крайней мере – так остро, так до невыносимости явно): мне потому и было комфортно и легко с семьей, что жил я с ними, почти не чувствуя их, не переживая за них так, как сопереживал чужой боли и преступлениям когда-то. После аварии я более недели хромал и мучался с посиневшим лбом – до тех пор, пока Владик полностью не избавился от следов аварии.

О том, чтобы сказать обо всём этом Лене, не могло быть и речи (хотя она, конечно, что-то заметила и пыталась расспросить, например, о причинах моей хромоты). Я же надеялся, что избавлюсь от этого, забуду, как бы «заговорю» сам себя; лишняя же беседа с кем-либо на данную тему только бы раздражила меня и, чего я ужасно боялся, активизировала бы полузабытые способности.

Когда через некоторое время жена порезалась на кухне, а я, будучи в зале, схватился за свою левую руку и увидел на указательном пальце кровь, – тогда прежнее беспокойство и ощущение внутренней пружинной «сжатости», которое было обычным для меня во время моей холостяцкой жизни, с новой силой вернулись и не оставляли меня уже ни на минуту.

Желание уйти из семьи созрело быстро и как-то само собой. Я слишком боялся за них, слишком любил и переживал... Впрочем, впоследствии, не раз

вспоминая случившееся, я приходил к выводу, что, скорее, боялся за самого себя и переживал лишь о себе. Да и как, как обнаружить четкую грань между тем и этим, когда я и сам не мог понять, где же заканчиваюсь «я» и начинается, к примеру, «мой сын»? Крайняя и болезненная острота моего сопереживания усилились многократно, – словно прежние способности мстили мне за годы своего пренебрежения и неиспользования.

Я выбрал день, когда в очередной выходной жена с сыном отправились к теще (она жила на другом конце города). Вещей с собой взял немного: в основном, книги, ноутбук и разную мелочь, которая могла пригодиться в первое время. Какой-либо записки, объясняющей мой внезапный уход, я не оставил, поскольку хотел обрезать все связи разом: так оно, может, сначала и больнее, но зато потом, как я надеялся, можно будет не бояться проявлений излишней чувствительности.

Далее я размышлял таким образом: если мои способности связаны с сопереживанием другим людям, необходимо просто устранить этих других людей из своей жизни. Элементарно!

– В самом деле: ну, не могу же я устроить себе келью в каком-нибудь глухом сибирском лесу? – думал я в тот момент. И приходил к странному выводу, что мог. Мог бы! Найти место, далекое от людей; Сибирь – место самое подходящее. Буду жить охотой и собирательством, изредка выходить в ближайшее полузаброшенное сельцо и выменивать продукты!.. Бред? Конечно же, романтический, полусумасшедший бред! Но другого выхода я пока не видел.

Для начала я решил снять дешевый номер в привокзальной гостинице нашего городка, где мог бы спокойно в течение ночи обдумать, как жить дальше. Мне было совершенно понятно, что я нахожусь на грани и могу наломать дров. Я, к удивлению, очень быстро осуществил задуманное и, уже сидя за чашкой чая в гостинице и сменив симку в сотовом, предавался

размышлениям о своей дальнейшей судьбе. Конечно, нужно уехать из города. Это – однозначно! Чем меньше знакомых, тем лучше. Как-нибудь потом, заочно оформлю и выписку из квартиры и т.п., – если, конечно, все это вообще понадобится.

С другой стороны, вот, к примеру, «жить буду охотой»! А так разве я умею охотиться? Да разве я смогу убить кого-нибудь? Да я вместе с первым же зайцем или птицей упаду на землю и буду чувствовать ровно то, что переживают они! Где же выход? А может, попробовать все-таки снять как-нибудь эту чувствительность, заглушить способность сопереживать. Но как? Алкоголь, наркотики, медитация – всё это давно испробовано, еще в молодости, и только обостряет эту мою треклятую чувствительность. Монастырь? Церковь? Но там-то что? А может и съездить? Может, поговорить? Ведь, по сути дела, я ни с кем (ну, за исключением нескольких полупьяных разговоров с приятелями) не касался данной темы, не исповедовался! Вот оно: это ключевое слово-то! Найдено! Пойду на исповедь? Да, но к кому? В какую церковь? Да и что мне скажет этот, в рясе? Сколько у него таких, как я, – за день-то? За душевнобольного сочтут ведь. Вот! Вот то, чего я боюсь, от чего бегу!..

Постой! И тут я поймал себя на интересном соображении: а что если оно так и... Ну, нет! Акцентуация характера в подростковом возрасте, затем дозревшая до психологического заболевания? Что же. Интересная версия. Но не то это, не то! Ведь я же объяснял, писал уже: эта какая-то необыкновенная, доходящая до патологии форма со-чувствия!

«До патологии?..». Меня бросило в холодный пот, захотелось свежего воздуха. Я подошел к окну, открыл форточку и, прижавшись к стеклу лбом, стал рассматривать огоньки на привокзальной площади. Интересно, Лена уже дома? Теряется в догадках, где я, что со мной? Что же делать?

А что если вся эта моя чувствительность – выдумка чистой воды? Продукт самокопания и излишнего внимания к самому себе и собственным ощущениям?

Ведь смог же я вычеркнуть эти способности из жизни на несколько лет! Значит, я могу – при большом желании, конечно, – искоренить это в себе и сейчас – или хотя бы ослабить! Эта мысль почти ободрила меня, я вдруг на секунду вообразил себе возможность возвращения в семью и поймал себя на бессознательно сделанном движении в сторону чемодана – словно собрался бежать к жене и сыну прямо сию секунду! Почему-то из-за этого движения я принялся обвинять себя в трусости и слабости и даже в горячах назвал себя «подкаблучником», что рассмешило меня и временно сняло психологическое напряжение.

Что же делать? Если семейные заботы сумели меня настолько отвлечь, что мучительные мои способности остро сопереживать почти забылись, то неужели нельзя придумать и еще нечто такое, что заняло бы меня так же, а то и глубже, и сильнее? Ведь был же я готов бежать из-за этого в Сибирь, чуть ли не к Агафье Лыковой (тут я снова улыбнулся)! «Конечно, я выкарабкаюсь! – уверял себя я. – Безусловно, что-нибудь выдумаю: мало ли занятий, в которые можно уйти с головой, забыв обо всем на свете...».

Была уже глубокая ночь. Тишина иногда прерывалась переговорами вокзальных работников по громкоговорителям и стуком колес поездов; откуда-то доносился редкий и приглушенный собачий лай. Я вдруг очень ясно, необычайно отчетливо осознал время и место, в которых я пребывал. Так и не поняв тогда, как именно сумел это сделать, я неожиданно заметил, что как бы расту, расширяюсь (причем во все стороны разом!): я выбрался за пределы номера, потом занял всю гостиницу целиком и, наконец, овладел всем вокзалом. Я и был в ту минуту вокзалом: это по мне, моему телу, громко и однообразно стуча колесами, пробегали редкие товарняки; на моих сиденьях, скрючившись в неестественной позе, спал пожилой бородатый мужчина, словно припаянный к ручке своего чемодана. Это я лаял вдалеке – лаял просто так, от тоски и холода на привычный шум поездов; это я летел над железнодорожными путями,

размахивая чуть влажными от ночной сырости черными крыльями. Я ощущал (или вообразил, что чувствую) общее настроение старого вокзала – странную печаль, воспитанную ежедневным ритмом стальных колес, который сопровождал меня вот уже несколько десятилетий...

Очнулся я на рассвете. Уличные фонари потухли, и серый, туманный рассвет поздней осени понемногу расплылся по вокзальной площади, которая вся, как на ладони, была видна из моего окна. Я тут же вспомнил про свое «расширение». Был ли это сон или новое проявление моих способностей? Сопереживать какому-то месту, целой совокупности живых и неживых существ одновременно – причем так, чтобы всё до детали чувствовать и осознавать, – это действительно было нечто новое для меня. Я впервые получил некое едва ощутимое удовольствие от своей обостренной чувствительности, от которой мне так долго хотелось избавиться.

«Может, это один из способов «приглушения» способностей, точнее – перенаправления их в нужное русло? – подумалось мне. – Ведь такое сопереживание не ранит душу, от него не выворачивает наизнанку, от него не больно!..».

Так вот чего я боюсь – боли, неприятных чувств! Вот уж не подлость ли? Не изнеженность ли? Вспомнив, однако, моменты, связанные с воровством и другими преступлениями, я частично отверг эту мысль. Да, конечно, обыкновенное стремление избежать боли здесь присутствует, – и, наверное, это достаточно естественно для любого человека. Но посмотрел бы я на того, кто смог бы спокойно относиться к тому, что периодически полностью отождествляется с ворами и убийцами...

А боль? Зачем мне чужая боль? Ну, семья, близкие люди, – это я еще могу понять. А боль, изображенная в книге или в кинофильме? Это-то зачем мне так остро чувствовать! Если бы знать... Где же выход?..

Я решил остаться в привокзальной гостинице еще на сутки. Позавтракав, я заплатил за номер и, едва показавшись на улице, снова вернулся к себе. Утренний шум раздражил меня и заставил вспомнить о работе, на которой я не появлялся со вчерашнего дня, сославшись на болезнь.

«Вот ведь если бы я по-настоящему собрался покинуть город, то разве я заранее бы не уволился, не подготовил бы всячески свой уход из семьи? – рассуждал я сам с собой. – Или в действительности я этого не хочу и только разыгрываю перед самим собой какой-то глупый спектакль?».

Впрочем, мысль со спектаклем показалась мне дикой: я-то знал, насколько я доведен всеми этими переживаниями, на какую грань поставлен... «А собственно – на какую такую грань?» – снова подумалось мне. – Вот ведь я уже почти сутки не испытываю своих «припадков» сопереживания! Может, и нет их вовсе? Может, исчезли они или всё это время только воображались мною?».

Мгновенно созрело решение «испытать» себя: нужны были люди, а где как не на вокзале их можно было встретить? И я пошел на вокзал...

Пройдя мимо кассы, я вышел в самый большой зал, в котором находились расставленные рядами кресла для ожидающих поезда. В это послеполуденное время людей было порядочно и любой из них мог стать «объектом» моего эксперимента. Быстро оглядев зал, я увидел несколько свободных кресел и уселся на одно из них. Напротив меня сидела пожилая женщина в серой пуховой шали и черном пальто. Рядом с ней – девушка, почти девочка – лет 14-15, видимо, ее дочь. Судя по усталым лицам и скучающему, немного туманному взгляду, ожидали они своего поезда уже достаточно давно, может быть, с утра. Девушка была миловидна – белокурая, с тонкими, немного мелкими чертами и голубыми глазами – однако некоторая общая озабоченность ее движений, молчаливость, морщинки, то и дело проскальзывающие возле уголков губ, как-то старили ее и приземляли.

Всё это я рассмотрел как бы между делом, вскользь, стараясь создать видимость полной моей незаинтересованности и рассеянности. Встав, я прошелся до киоска с газетами, купил первое, что бросилось в глаза, и вернулся на прежнее место. Мать за это время успела куда-то исчезнуть, оставив дочку вместе с сумками. Судя по всему, уход матери заставил мою «наблюдаемую» полностью сбросить с себя оцепенение, вызванное долгим ожиданием, что, впрочем, только усилило впечатление некой ее обеспокоенности. Я обрадовался тому, что девушка осталась одна, поскольку это позволяло без труда начать «сопереживать» ей.

Детально описать то, как именно я это делаю, мне сложно: никаких особых приемов я никогда не использовал. Мне было достаточно просто побыть рядом с человеком или немного «включиться» в сюжет просматриваемого фильма или читаемой книги, чтобы сочувствие возникало само собой. Насколько я понимаю, так происходит и у многих других людей, просто у меня этот процесс напоминал ураган – по чудовищной силе и неожиданности возникновения, а также по тем губительным результатам, которые я всегда обнаруживал внутри себя: личность моя коверкалась, боли были продолжительные и совсем не виртуальные, укоры совести за совершенное не мною – изнурили и убивали любовь к жизни...

Прошло минут 5-10, и ничего особого я не ощутил. «Может, мне просто непонятна причина ее обеспокоенности? Или, возможно, сама эта суетливость и печаль только выдумана мною, а в действительности девушка просто устала ждать поезда?» – размышлял я, внутренне уже надеясь, что способности снова ослабли или – о, радость! – окончательно покинули меня.

«Почему бы нет? – снова подогревал я свою надежду. – Ведь уход из семьи, все эти ночные размышления и «расширения» – значительный стресс для моей психики. Должно же наконец-то сработать нечто подобное самозащите!».

Обождав еще минут 10, я понял, что единственный способ узнать наверняка, прав я или нет – вступить в беседу с миловидной соседкой. Я решительно свернул газету и, пересев на ближайшее к девушке кресло, с самым непринужденным видом осведомился не в курсе ли она, когда прибывает поезд из столицы. Девушка помолчала несколько секунд, видимо, соображая, зачем я подсел к ней и как именно ей следует отвечать, и наконец, не нашла ничего лучшего, как покачать головой.

– А то, знаете ли, я приезжий, из Самары. Приехал на автобусе к родственникам, а где железнодорожный вокзал совершенно не знал. Представьте себе, заблудился по дороге сюда – не на тот трамвай сел! – тут я самым глупейшим образом расхохотался, скорее, над тем, как неумело вру, чем собственно над самой возможностью перепутать единственный трамвай, который ходил сюда с автовокзала. – Хочу встретить друга-москвича, он должен вроде бы прибыть днём да только не знаю, каким именно поездом!

Я добавил еще несколько фраз в таком же духе, после чего девушка скороговоркой и с каким-то едва заметным испугом сообщила мне, что рада была бы помочь, но лучше мне обратиться в справочную, поскольку на то она и есть, чтобы именно там разрешать подобные затруднения.

– Кстати, – добавила она совсем некстати, потому что говорила это явно для того, чтобы лишний раз напомнить мне о том, что на вокзале она не одна и ее есть кому защитить, ежели что, – особенно от таких типчиков, как я, – моя мама сейчас как раз там!

– Что вы говорите! – обрадовался я так искренне, что сам на мгновение поверил в свои актерские дарования. – Тогда я дождусь ее возвращения, чтобы узнать, стоит ли туда идти: вдруг там очередь большая!

Девушка пожала плечами и, по всей видимости, решив, что на этом тема исчерпана, принялась усиленно копаться в сумках в поисках чего-то спрятанного на самом дне – ясная демонстрация нежелания дальнейшего

общения. Тогда я решил сыграть ва-банк и спросить в открытую: почему-то мною овладела уверенность в том, что навряд ли я этим сильно напугаю ее.

– Послушайте, – начал я самым обыденным тоном – так, словно знал ее тысячу лет и спрашиваю о чем-то совершенно тривиальном, – мне показалось, что вы чем-то озабочены, точнее даже сказать – обеспокоены. Наверное, это связано не только с ожиданием поезда, но и с чем-то еще – более серьезным. Не могу ли я помочь вам?

Девушка замерла и снова тревожно взглянула на меня. Потом она, уже не скрывая испуга, кинула взгляд в ту сторону, куда, вероятно, ушла ее мать.

– Нет, нет, – самым дружелюбным тоном поспешил успокоить я. – Вы не подумаете, что у меня есть какие-то там глупые намерения. Понимаете... Понимаете, я провожу что-то наподобие эксперимента... В некотором роде, так сказать. Да, да, психологического эксперимента!

Брякнув это, я вдруг увидел, что лицо девушки мгновенно прояснилось и она улыбнулась.

– Так вы из какого-нибудь университета? А из какого, если не секрет? Что-то похожее на социологический опрос?

Я поспешил согласиться, соврал что-то насчет кафедры психологии и т.п. Получилось, тем не менее убедительно, поскольку я действительно в свое время имел дело с психологами местного университета: было какое-то совместное мероприятие с участием СМИ и т.п.

– Что же именно вас интересует?

– Вы! – вырвалось вдруг у меня. – В том смысле, что ваше конкретное, вот в эту самую секунду содержание сознания, точнее – ваши переживания. О чем, собственно говоря, вы сейчас думаете и чем озабочены? Только мне надо поточнее и искренне, – заторопился я, сбиваясь и путаясь в мыслях. – Таковы требования эксперимента! – секунду помолчав, добавил я.

Затем я замер в ожидании ответа, словно от решения моей новой знакомой зависело очень многое, – вся моя дальнейшая судьба. Несколько секунд девушка недоверчиво рассматривала меня. Я уже почти представил, что она сейчас просто пошлет меня куда подальше, а то, чего доброго, позовет на помощь. Однако же ничего подобного не произошло: это миловидное создание разулыбалось и, немного порозовев, произнесла:

– Как-то это трудно... Так сразу... А что если это личные переживания? Если мне... как-то стыдно об этом говорить?

– А вы можете без подробностей, без имен: просто самую суть, этого вполне достаточно, – затараторил я. Девушка помолчала, как бы решаясь, потом несколько раз посмотрела в сторону выхода, где, вероятно, располагалась справочная, а затем, понизив голос, сказала:

– Ну, есть некоторые проблемы, так скажем... В общем, мы собираемся уехать вдвоем с мамой. От отца. Он не знает, конечно. Мы, точнее, мама... Они, в общем, в ссоре, поссорились и даже подрались, – она снова помолчала, а потом добавила – так, словно объясняла этой последующей фразой самый смысл всей истории. – Он у нас рыбак и пьет. Вот.

Я был в полном восторге. Итак, налицо конкретные, сильные и значимые переживания, а я так ничего и не ощутил, да и сейчас, во время общения с ней, ничего, кроме откровенной радости, не чувствую. Видимо, мое состояние не укрылось от девушки, поскольку в ее глазах снова мелькнула тревога.

– Вы... вы как будто бы даже обрадовались этому? – спросила она в каком-то замешательстве, и лицо ее приняло прежний устало-обеспокоенный вид.

– Это, это... я... Просто это то самое, что я искал! – пробормотал я, почувствовав, однако, достаточно болезненный укол совести. – Идеальный случай для эксперимента! Ведь я как раз и занимаюсь семейными конфликтами, – выпалил я и понял, что, кажется, начинаю завираться окончательно. Мне захотелось поскорее распрощаться с собеседницей и вернуться к себе в номер. Я

даже привстал, почему-то делая это так осторожно, словно опасался утратить и «расплескать» мое так с трудом обретенное чувство свободы от излишнего сочувствия окружающим. Однако тут произошло нечто совершенно мною незапланированное: заметив, что я поднимаюсь, она вдруг едва заметно прикоснулась к моей руке своей маленькой ладошкой и произнесла:

– Если так... Если вы такой, – ну, по семейным конфликтам, – тогда, может, вы нам и поможете? Особенно моей маме? – глаза ее засветились каким-то новым чувством, будто она отыскала выход из затруднения, так мучившего ее. – Ведь она совсем-совсем не хочет уезжать... Да и не знает точно – куда... Да и я не хочу никуда ехать!.. – последнюю фразу девушка проговорила почти плача и как-то просительно, словно и вправду я, мои слова и решения могут как-то, ну, хоть совсем немного, но все же изменить эту непростую ситуацию.

В то самое мгновение, когда девушка произнесла последние слова, я почувствовал, как тысячи холодных игл пронзили мне позвоночник, а затем шея – там, где она переходит в основание головы, вдруг словно остекленела. Я машинально принялся массировать себе подзатыльник правой рукой, на секунду совсем забыв, где я, кто я и зачем здесь нахожусь. Собеседница, видимо, заметив мою внезапную бледность, вновь не на шутку встревожилась.

– Что вы... Я... Я расстроила вас? – пробормотала она и вдруг хмыкнула в кулачок, удивившись нелепости своего вопроса. Однако же я совершенно серьезно кивнул головой.

– Если бы вы знали, насколько... – тоскливо произнес я. – Извините, пожалуйста! – спохватился я. – Я... я размышляю, как бы помочь... вам.

«Помочь? А почему бы не помочь?» – подумалось мне. В первую очередь я был поражен очень странным (по крайней мере, я воспринял это как некий знак) сходством их жизненной ситуации с моей: я тоже беглец из собственного дома; тоже растерян и также, в общем-то, не представляю, куда ехать и стоит ли. Мысль о том, что я могу как-то помочь беглянкам, неожиданно вдохновила

меня и откуда-то появилась энергия и уверенность, каких я до того момента и не подозревал в себе.

– Послушайте! – почти торжественно произнес я. – Я знаю, как решить вашу проблему!..

В это самое мгновение я услышал вопросительное: «Извините?». Передо мною стояла мать моей молоденькой собеседницы, появившаяся словно из воздуха. При взгляде на меня в лице женщины, помимо привычной усталости, появилось и недоумение. Я помолчал несколько секунд, подбирая слова, но тут вмешалась дочка и затараторила так скоро и часто, что буквально в минуту уложила всё: и моего мифического столичного друга, и психологию семейных конфликтов, и эксперимент, и Бог весть что еще.

– Света, я ничего не поняла! – призналась пожилая женщина, присаживаясь рядом с нами (я попытался вскочить, но неугомонная девчонка усадила меня снова). Мать произнесла это всё так же устало, но уже как-то добрее, словно она и сама рада какому-то непонятному изменению в этой суматошной неопределенности последних часов.

Я взял инициативу на себя и кратко, а главное – уверенно рассказал о «психологическом эксперименте», закончив ровно следующим:

– Я обещаю решить вашу ситуацию буквально за сутки: ни в коем случае не нужно никуда уезжать!

– Послушайте... – протянула женщина, растерянно глядя то на меня, то на дочь. – В общем-то, я сейчас как раз собралась покупать билеты. Поезд будет вечером... Мне совершенно непонятно, что вы будете решать, а главное – как! И зачем это вы...

– Очень просто, – продолжал я вдохновенно и так убедительно, что случись мне увидеть себя со стороны, я бы искренне удивился такому своему ораторскому таланту, – в привокзальной гостинице мы снимаем номер для вас двоих. Естественно, за мой... то есть за счет средств от научного гранта, на

которые и проводится мой эксперимент, – тут я сбился, немного покраснел, но вдохновение меня не покинуло, и я продолжил. – Далее мы проводим с вами беседу, – ну, с вами и Светой, конечно, – я почти покровительственно посмотрел в сторону молоденькой дочки. – Затем, используя современные психологические методики, я улаживаю ваш семейный конфликт – так, чтобы он гарантированно не возникал в дальнейшем. Причем всё – в рамках эксперимента, всё абсолютно для вас бесплатно. Польза обоюдная: вам не надо ехать в неизвестность, а мне – отличный материал для исследования! Вы потеряете всего лишь день, может быть, только один вечер!

Женщина с каким-то удивлением поглядывала на меня во время моего выступления. Однако к завершению речи (по крайней мере, мне так показалось) в глазах ее уже, кажется, не было столь явного и вполне понятного недоверия ко мне. Когда я закончил, она произнесла, покачивая головой:

– Вы совершенно не знаете моего мужа. Света что-то наболтала вам совершенно непонятное... Да и вообще... – она строго и осуждающе покосилась на дочку. – Я обязательно ей запрещу на будущее разговаривать о семейных проблемах с первым... С неизвестными.

– Послушайте! – снова вдохновился я, говоря так, будто от этого и впрямь зависело решительно всё, вся моя – да и их! – жизнь. – Давайте так: если вы мне не доверяете, – да я бы и сам, поверьте мне, и сам себе не доверял бы: уж больно я, вероятно, странно выгляжу, да и ситуация необычная – вокзал и кассы эти... Ведь все равно поезд только вечером: вы можете сейчас купить билеты, а до вечера, я уверен, всё, абсолютно всё изменится – и мы всегда сможем эти билеты потом сдать обратно. Все денежные потери я беру на себя, всё, решительно всё компенсирует грант! – опять вставил я это словечко, всем тоном показывая, что за ним, за грантом, стоит нечто очень значительное и просто буквально требующее доверия.

Женщина отвела от меня внимательный взгляд, как-то растерянно взглянула на дочь, зачем-то схватилась за ручку сумки, снова ее выпустила, потом машинально начала поправлять свою шаль и, наконец-то, видимо, решившись на что-то, сбивчиво произнесла:

– Я даже не знаю... Сейчас всё так сложно, мы с дочкой в растерянности... Вы производите впечатление серьезного молодого человека, но предлагаете... Немного необычно. А сейчас столько мошенников, этих организаций дурацких, – затем она быстро взглянула на меня и, отвернувшись и немного, вероятно, сконфузившись, добавила: – Вы не подумаете, пожалуйста, денег у нас... и нет никаких почти... А документы у вас... ну, подтверждающие как-то...

– Да и не надо денег, что вы: я же говорю, всё – грант! А документы – ну, конечно, всё у меня есть: там и образование, и паспорт! Но по эксперименту, вы это прекрасно понимаете, – только научные труды, их же не предъявишь. Всё у меня в номере! – проговорил я торопясь и как-то развязно, словно высказывался уже о чем-то давно решенном.

– В номере? – отозвалась собеседница.

– Ну, конечно! Ведь не вы первые! Эксперимент проводился неоднократно, и пока удачно. Вокзал специально выбран мною: место отъезжающих и приезжающих, знаете ли... Проблемы разные и очень интересные... Вы о профессоре Михайлове слышали? – соврал я в очередной раз и даже почувствовал какую-то тоску от такого количества лжи. Я решил, что на этом остановлюсь: нет – так нет. Иначе это становится уже подозрительным и... тягостным.

– Хорошо! – вдруг решительно произнесла женщина, даже не ответив на мой последний вопрос. Я заметил, что оцепенение, которое казалось мне постоянной чертой, исчезло из ее фигуры и лица. Меня это приободрило. – Сейчас я... я с дочерью пойду покупать билеты, а с вами давайте договоримся о встрече на этом же месте через... минут через 50!

– Отлично! – я вскочил с места, широко и счастливо улыбнулся и, распрощавшись, быстрым шагом, почти бегом направился к гостинице. На какие-либо подробные размышления о том, что же именно я делаю и какова истинная цель всего этого, у меня пока не было времени (вернее – я себе просто не дал возможности остановиться и подумать об этом). В гостинице я быстро договорился о номере на двоих, постаравшись, чтобы он располагался поближе к моему. Удача снова улыбнулась мне, и немного переплатив, я оформил всё за считанные минуты.

Возвратившись в номер, я принялся рыться в чемодане, извлек свои документы и, бросив их на журнальный столик, присел на кровать.

«Что же это я такое делаю? – мелькнуло у меня в голове. – И зачем вся эта ложь, волнение, зачем? Чего я прицепился к женщине и ее дочке?.. А если вместо них меня будет ждать на вокзале наряд милиции? Это же сколько возиться придется, объяснять...».

Я спрятал лицо в руках и замер в раздумье.

– Постой! – снова принялся я рассуждать. – Основной целью моего сегодняшнего похода на вокзал было выяснить степень сохранности моих способностей. Всё и выяснилось: остались треклятые и никуда не делись! Даже острее всё стало: ведь когда остановила меня девчонка за руку, я весь так и сотрясся, почувствовав и страх, и растерянность, и ее боязнь отца, и одновременно – какую-то мучительную любовь к нему, перемешанную с детскими претензиями, недомолвками, приливами нежности и ненависти – весь этот клубок эмоций, мыслей и переживаний в одно мгновение пронзил меня всего: я ощутил это чуть ли не позвоночником...

А потом? Что же было после того, как она остановила меня и попросила о помощи? Да, именно попросила о помощи и... – я постарался с максимальной ясностью вспомнить, что чувствовал после этого момента. И после некоторых раздумий осознал, что ничего, кроме желания помочь, и не помню совсем. Все

столь привычные и болезненно острые переживания, связанные с моими мучительными способностями, как-то забылись, затерялись во время беседы! Меня это открытие очень обрадовало.

– Да, но зачем я лгал-то им? Зачем так усиленно зазывал их в номер, назвался психологом и предлагал не ехать? Чем, чем же я смогу помочь им? – снова кто-то будто со стороны напомнил мне.

Я поискал в себе ответа на этот вопрос и вновь пришел к небольшому «откровению»: я с совершенной очевидностью осознал, что мною в данном случае руководил банальный эгоизм. Да и на протяжении всей беседы мною управляло именно это: кажется, я еще тогда, еще до возвращения ее матери понял самое главное, что и толкало меня действовать так, а не иначе, что являлось главной причиной внезапного вдохновения, охватившего меня на вокзале. Итак, вот оно, это открытие: если я смогу помочь им, – но только по-настоящему, не в полсилы, а так, чтобы полностью исправить ситуацию, – то я тем самым, безусловно, помогу и себе. Вот оно!.. Именно поэтому так важно было удержать их от намерения уехать лобой ценой, даже ложью.

Я был в восторге, в самом искреннем, почти детском восторге от всех этих «откровений», размышлений и выводов.

– Вот оно! Ведь еще несколько часов назад я подумывал даже и о самоубийстве. Из дома бежал, скрылся ото всех, хотел уехать за тридевять земель, а всё, оказывается, можно исправить. И нужно исправить! – я вскочил и, ходя по комнате, последние фразы, насколько помнится, произнес вслух и в необыкновенном волнении.

Тут я ощутил, что голоден и, посмотрев на часы, решил, что вполне успею перекусить, а затем уже прямо из закуской побегу на вокзал на встречу с мамашей и дочкой. «Спасительницы мои!» – как-то уже даже с нежностью подумал я о них и, поймав себя на этом, рассмеялся. Быстро схватив со столика пакет с документами (паспорт, диплом о высшем образовании, к слову сказать –

юридическом, еще какие-то бумаги, – сейчас и не помню), я закрыл дверь номера и спустился в закусочную.

На часах было уже без двадцати два, у меня оставалось каких-то 10-15 минут на еду. Я заказал горячее, а также кофе с промасленными вокзальными пирожками и стал внутренне готовиться к беседе с моими «спасительницами». Сидя за небольшим столиком, покрытым грязноватой, выдавшей виды скатеркой, и уже доедая свой непритязательный обед, я с некоторым испугом почувствовал, что ноги у меня как-то странно потяжелели, как будто на носки моих ботинок поместили нечто мягкое и объемное. С недоумением я медленно приподнял скатерть и увидел, что под столом, за который я только что присел перекусить, пребывает собака, самым бесцеремонным образом расположившаяся ко мне спиной и, видимо, во сне навалившаяся мне на ботинки.

Еще не рассмотрев толком своего невольного соседа, я схватил с тарелки оставшийся пирожок с благородным намерением поделиться с ним. Буфетчица, успевшая заметить мои телодвижения, громко и не слишком любезно спросила:

– Кто там у вас? Псина эта, что ли? Да не давайте ему – он у нас закормленный, не будет он пирожок ваш. – Потом уже как-то добрее добавила. – Его тут многие подкармливают: вокзальная собака-то...

Я кивнул ей и так с пирожком в руке и замер, пристально рассматривая существо, пристроившееся в моих ногах. Собака была самой обыкновенной дворнягой; со спины шерсть казалась серой, почти черной, хотя, как я потом уже разглядел, цвет морды был коричневатый. Чуть присвистнув и вынув ботинки из-под пса, я разбудил его. Тут же его лохматый, свалывшийся хвост дружелюбно застучал об пол, и он повернул ко мне морду...

Ну, конечно же! Я счастливо улыбнулся, словно встретил старого друга. Присев на корточки и почесав ему между ушами, я извлек собаку на свет Божий. Он так отчаянно вилял хвостом, что я не выдержал и, улучив момент,

когда буфетчица отвлеклась, всучил ему оставшийся пирожок. Пес тотчас проглотил угощение и уселся рядом с моим стулом. Я еще раз внимательно посмотрел на него, чтобы разрешить сомнения окончательно – ну да, так и есть: это та самая собака, которая (впрочем, как и весь вокзал) участвовала в моем вчерашнем «расширении»! Решив так, я уже не менял это свое убеждение никогда. Мало того, я немедленно уверил себя, что и сам пес знает и понимает это, а потому между нами есть какая-то «связь».

Эта ли самая «связь» или жалкий комок теста с картошкой, названный в местном буфете «пирожком» и подаренный мною собаке, повлияли на дальнейшее ее поведение, – точно сказать не могу. Тем не менее, как только я встал и вышел из буфета с намерением как можно быстрее дойти до места назначенного свидания, пес также сорвался с места и последовал за мной.

Сначала я не придавал этому особого значения, поскольку очень торопился и полагал, что четвероногий преследователь довольно быстро отстанет. «За его короткий собачий век такие вокзальные “благодетели” ему, вероятно, попадались частенько», – промелькнуло у меня в голове. Однако буквально через минуту, захваченный мыслью о предстоящей встрече, я совершенно забыл про нового знакомца. Войдя в основное здание вокзала, я быстро обвел глазами полупустой зал ожидания: моих «спасительниц» нигде не было. Посмотрев на часы, я увидел, что припозднился всего на 5-6 минут и потому решил, что вряд ли они ушли, не дождавшись меня. Да и куда они могли бы пойти? Ведь, судя по всему, они собирались именно здесь скоротать всё время, которое осталось до вечернего поезда. В раздумье я медленно подошел к своему прежнему месту и сел, намереваясь подождать.

«По всей видимости, они испугались и не придут», – уныло подумалось мне. В ожидании я провел не менее получаса и постепенно стал клевать носом. Напряженная ночь накануне, которую я провел почти без сна, а также не

прекращающееся эмоциональное напряжение последних нескольких часов оказали свое несомненное влияние, и я уснул минут на 20.

Проснулся я оттого, что кто-то легко коснулся моей руки. Открыв глаза, я некоторое время не мог понять, где нахожусь, затем услышал знакомый голосок Светы: «Это ваша собачка? Какой хороший! Серый!». Я увидел стоявших совсем рядом девушку и ее мамашу. Прямо в ногах у меня спал знакомый пес.

Немного сконфуженный, я вскочил на ноги, чем потревожил четвероногого. Собака поднялась, потом сладко зевнула и умильно уставилась на нас, стучая хвостом об пол.

– Да... Я ждал вас и – заснул...

– Мы просим извинения: задержались у камер хранения – сдавали свои чемоданы, – очень мягко, как-то по-домашнему сказала мамаша. И добавила, что билеты куплены и теперь они в полном моем распоряжении – до 21 часа 35 минут – «как указано в наших проездных документах». Она произнесла это, очень мило улыбаясь, что вернуло мне прежнее вдохновение.

– Какой, какой хороший! Серый, – сказала девочка, сев на лавку и почесывая псу за ухом. – Так это ваш?

– Ну, так-то он вокзальный, но мы с ним очень хорошо знакомы! – объявил я почти серьезно, что развеселило девочку, но немного обеспокоило мать.

– Света, если он бродячий, то не трогай его! И обязательно руки вымой потом! – строго проговорила она, но глаза ее смеялись.

– Ну, и как же его зовут? – спросила дочка.

– Да вот как ты его назвала – «Серый» – так, стало быть, его теперь и зовут! – заявил я и также начал чесать псу за ухом. – Кстати, раз уж мы знаем кличку пса, неплохо было бы и нам представиться друг другу. Александр Толмачев – так сказать, «психолог местного разлива», хотя по образованию я юрист!

– Долинина Вера, – произнесла, было, мать, но, немного поколебавшись, добавила: – Вера Сергеевна. А это моя дочь – Света, но вы, вроде бы, в курсе...

– Что ж, – энергически начал я, – вы просили документы, вот все они здесь. Можете посмотреть, а затем – милости прошу в ваш номер. Поскольку билеты куплены, времени нам терять нельзя!

Мать замялась, потом что-то пробормотала, по всей видимости, борясь сама с собой, но не выдержала, быстро развернула паспорт, взглянула туда и, более ничего не посмотрев, с улыбкой вернула мне.

– Вы можете сейчас устроиться в вашем номере и немного передохнуть – я думаю, одного часа вполне достаточно. А затем минут 15 четвертого я приду к вам, и мы начнем наш «эксперимент». Идет? – спросил я самым веселым и непринужденным тоном. У меня это получилось весьма естественно, ибо я действительно переживал такие хорошие и такие бодрые, свежие, радостные чувства, каких, наверно, не испытывал с самого детства.

– Идет! – воскликнула за маму Света и видно было, что и ей передалось мое настроение. Вера Сергеевна с некоторым осуждением посмотрела на дочь и согласно кивнула. Мы все вместе двинулись в сторону гостиницы. Серый прилепился к нам намертво и на этот раз не плелся где-то позади, а важно возглавлял шествие, как будто зная цель нашего похода.

– А он правда «Серый»? А эксперимент ваш страшный? А кто-то еще будет с нами его проходить или только мы втроем? – завалила Света меня вопросами. Я улыбаясь отвечал, что эксперимент «не страшный» и рассчитан только на нас троих; Серый в самом деле – «Серый» и т.д.

Через пять минут мы были в гостинице и, быстро завершив различные формальности с документами, разошлись по номерам. Однако перед этим я снова вышел на улицу и свистнул пса. Тот немедленно вылетел откуда-то из-за угла и, виляя всем задом, приблизился.

– Послушай, Серый, – серьезно обратился я к собаке, положив ей руку на шею. – Если сейчас у меня получится, то я сотворю чудо и приведу тебя в

человеческий вид: а то смотри – шерсть свалялась, лапы грязные, – даже стыдно перед дамами. Жди здесь!

Пес сел на асфальт и потянул воздух носом: наверное, понял.

Денег выложить пришлось порядочно, – однако наша привокзальная гостиница всегда была полупустой и потому, вероятно, здесь действовали по принципу: «за ваши деньги – любой каприз». В общем, мне снарядили одного работника, который отвел нас с псом в служебное помещение, где я принялся отдраивать собаку. Серый принял всё это с самым спокойным видом, будто его мыли и вытирали белым вафельным полотенцем ежедневно. Затем, как мы и договорились с администрацией гостиницы, я провел своего четвероногого друга к себе в номер.

По всей видимости, своему лохматому гостю я радовался гораздо больше, чем он – новому пристанищу. Пока он обнюхивал все углы номера, я нарезал ему колбасы и хлеба, а также выделил пластиковую миску с водой. Он мгновенно справился с едой, пить отказался, а затем величаво разлегся на пороге – опять же с видом совершенно привычным, словно именно так обедал и спал всю свою собачью жизнь.

Через некоторое время я подозвал пса к себе, внимательно осмотрел его со всех сторон, а затем даже попробовал немного причесать свалявшуюся шерсть. Серому это явно не понравилось, он сжался и отодвинулся от меня с видом некоторого недоумения. Я махнул на него рукой: пусть остается лохматым! Пес, увидев, что я бросил старую расческу на кровать, заметно повеселел и, подойдя ближе, снова сел совсем рядом.

– Что же ты такое? – спросил я, долго смотря ему в глаза. – Знак мне, что ль, какой? Ведь это ты был, ты? Ну, когда я... м-м, «расширялся»?

Серый помолчал и положил мне морду на колени. Я погладил его между ушами и прилег: надо бы подумать о том, что же я буду говорить Вере Сергеевне и ее дочери. Беседа должна быть заранее продумана, иначе не будет

столь результативна, как мне хочется. Но в голову лезли всё какие-то посторонние мысли. Я закрыл глаза и уже в полудреме услышал, как собака вернулась на свое прежнее место у порога, немного покружилась и со вздохом улеглась...

Перед тем, как окончательно погрузиться в сон, я дал себе установку обязательно проснуться минут через 30-40. Настрой на пробуждение обычно срабатывал. На этот раз он немного припозднился, но все-таки я проснулся почти вовремя. Вскочив с кровати, я посмотрел на часы: спал около часа. Серый недвижимо лежал на пороге. Я рванул в ванну, умылся и принялся чистить зубы. За этим занятием в уголке зеркала я заметил лохматую морду. Так и есть: Серый засунул свой любопытный нос в ванную комнату и наблюдал за мной.

Вдруг в голове моей что-то смешалось, какие-то образы замелькали перед глазами, и я вспомнил об увиденном только что сновидении. Точный сюжет сна никак не припоминался, но вот этот момент: собака в зеркале, вся обстановка номера, затем вокзал откуда-то сверху – всё это в сновидении было. Уже собираясь выйти, я вспомнил и еще один фрагмент сна: я провожаю Веру Сергеевну и Свету на перроне; поезд трогается и... И что-то случается, что-то происходит! Как только поезд там, во сне, начал движение, случилось нечто потрясающе важное, но что именно – я совершенно не мог вспомнить. С этими мыслями о недавнем сновидении я и постучался в номер к своим «пациенткам». Пса я не рискнул оставлять одного, поскольку не знал, чего от него можно ожидать. Серый послушно последовал за мной, но, увидев лестницу, ведущую к выходу из здания, остановился в нерешительности и заскулил.

– Что, Серый, уже на волю запросился? Ну, потерпи, брат, потерпи часок-другой, мы и прогуляемся! – сказал я ему ласково. Он будто понял и смиренно позволил себя увести от лестницы к номеру моих «спасительниц».

На стук почти сразу отворили: меня ждали уже с нетерпением.

– О, вы и пса с собой захватили! – восторженно сказала Света. Судя по их еще не высохшим волосам, обе они успели принять душ. Без верхней одежды и мать, и дочка выглядели совсем по-домашнему – как родные. Мы с Верой Сергеевной тотчас расположились в креслах за журнальным столиком, Света уселась на кровати и, подозревав Серого, заставила его улечься у себя в ногах.

У беглянок оказался с собой небольшой электрический чайничек (в номерах такого богатства не было), поэтому на протяжении всей беседы мы чаевничали.

– У нас с вами всего только несколько часов, поэтому давайте постараемся говорить кратко и по существу. Думаю, что вы этот мой настрой со своей стороны поддерживаете? – начал я с вопроса.

Вера Сергеевна понимающе улыбнулась и кивнула; Света шепотом о чем-то уже договаривалась с Серым, иногда тихонько смеясь над ним во время беседы.

– Как вы понимаете, в первую очередь мне нужно в подробностях услышать вашу историю, точнее – описание вашей семейной жизни, основных ее событий – чтобы я понял те причины, которые и привели в конечном итоге к сегодняшнему побегу. И, если не возражаете... – я достал диктофон, с которым редко расставался, и, включив, положил его на столик. Долинина еще раз кивнула.

– Да-да. Это все-таки эксперимент, я понимаю: всё должно быть записано, зафиксировано, – она смешалась и замолчала. Но тут же продолжила:

– Я, вообще-то, не рассказчик, не очень-то умею говорить... Может, вы поможете мне вопросами? – она взглянула на меня с какой-то мольбой, все время косясь на диктофон – так, будто кто-то еще объявился у нас в номере, – посторонний и строгий. Впрочем, не прошло и десяти минут, как мы все забыли о записывающем устройстве, и далее оно нисколько не мешало.

– Конечно-конечно! Первое, от чего можно оттолкнуться: ваше знакомство с мужем... – направил я ход разговора.

– Да! – обрадовалась Долинина. – Именно с него надо начать... – и вдруг снова запнулась. – Нет-нет. Еще раньше, раньше, ведь всё началось тогда – наверное, не с мужа. Вернее, не с этого моего нынешнего мужа. Ой, я, кажется, совсем спуталась!.. И точно испорчу вам весь эксперимент! – Вера Сергеевна совсем, было, огорчилась, но я быстро успокоил ее; Света по маминой просьбе разлила всем чай, достали сладкое (кое-что перепало и Серому), и понемногу моя новая знакомая разговорилась, оказавшись при этом совсем не такой плохой рассказчицей, как она уверяла вначале.

– С первым мужем – Сергеем – я познакомилась еще в институте. Хороший был мальчик, всегда был хороший. Он у нас в группе один обучался – из всего мужского пола, так все девчонки души в нем не чаяли. В первое время я как-то и не замечала его вовсе: другие какие-то интересы были да и ухажеров хватало... А затем – вдруг заинтересовалась сильно, как-то увидела его по-новому.

Знаете, ведь существовала такая традиция, – ну, КВНы эти студенческие, вы, наверняка, что-то также захватили? Да? Мне не очень нравилась вся связанная с этим суета, и я всегда умудрялась не участвовать в подобных мероприятиях. Но однажды курсе на третьем девчонки упростили меня, буквально силой увлекли на репетицию – была какая-то сценка, номер, сейчас уже не помню про что... А он – как единственный парень – был просто на расхват. Там мы и разговорились, сблизились, затем стали встречаться и вот – сообразили, – она указала глазами на Свету.

– Так Света... от него? – спросил я несколько удивленно.

– Да-да. Поэтому-то мне и важно сначала о Сереже рассказать. А потом к моему... рыбаку перейти, – в лице Веры Сергеевны вдруг опять на несколько мгновений появились следы той усталости, которые были отмечены мною еще при первом с ней знакомстве. Как только она упомянула о «рыбаке», я ощутил

знакомый холодок, пробежавший по позвоночнику. Меня это слегка встревожило, но я постарался не подать виду.

– О беременности своей я сама узнала чуть ли не на третий месяц, решили зарегистрироваться почти сразу. Сергей к сообщению о ребенке отнесся удивительно спокойно, меня это его спокойствие как-то даже поразило тогда...

– Долинина замолчала и изменилась в лице, точно вспоминая что-то. Затем продолжила:

– Я и до сих пор не могу сказать, любил ли он меня. Я, кажется, любила... Как только Света родилась (мы тогда заканчивали 4-й курс), я ушла в административный. Снимали КГТэшку, моя мама нам немного помогала... Сергей перевелся на заочный, устроился в одну фирму сисадмином – недалеко от этого красного магазина в центре города, вы, наверное, знаете. И вот... Я вот даже не помню, как это точно началось... Он возвращаться стал поздно, учиться совсем забросил. И раньше-то поздно возвращался... Как только Светочка родилась, он еще ничего: мы вначале, ну, как только жить стали отдельно, втроем, так можно сказать, счастливы были... Да, наверно, это Свете полгода исполнилось. Нет, меньше! Точно: 5 месяцев ей было. Я ждала его до часу ночи, он пришел трезвый, совсем трезвый, – вот это меня тогда и потрясло больше всего. Так-то он иногда выпивал, – ну, с друзьями, – было такое. Но, в общем-то, он у меня этим делом не злоупотреблял. Я встала приготовить ему чай, посидеть чтоб на кухне с ним немного. Светик спала, – она у нас молодец насчет этого: тихая в детстве была, всё лежит в кроватке и глазенками смотрит, – рассказчица с улыбкой посмотрела на дочку; та была серьезна и глядела на Серого. Видно было, что девочка внимательно слушает: быть может, она и знала эту историю, но, вероятно, мать никогда так детально не описывала ей жизнь с прежним мужем. Я молчал и всё не мог забыть ощущения холода в позвоночнике: мне казалось, что я всё чего-то жду, и ожидание мое

непосредственно связано с рассказом собеседницы. Долинина в который раз подняла не тронутую чашку чая и снова опустила ее, не выпив ни глотка.

– Я попыталась поговорить с ним, он был молчалив, отвечал неохотно. Я попробовала выяснить, не случилось ли чего на работе, Сергей отвечал резко. Слово за слово – мы рассорились, рассорились не на шутку. Был уже третий час ночи. Говорили мы приглушенно, шипели друг на друга, боясь, что проснется ребенок или услышат соседи. Никто не хотел уступать: тут он обвинил меня в том, что испортил себе жизнь из-за меня, так как моя беременность помешала ему нормально доучиться, а сейчас он совсем забросил учебу, и по моей милости является человеком без образования. А надо сказать, что Сережа очень трепетно относился к учебе и всегда был в числе первых. Я возражала ему и говорила, что никто не мешает ему восстановиться и продолжить обучение.

– А деньги? – он кипел от злости. – Кто будет кормить тебя и твоего ребенка?

Я отвечала, что совсем скоро сама буду работать; кроме того, многие люди, работая, продолжают учиться.

– Это не мой случай! Я не имею такой возможности: ты что не видишь, что работа отнимает у меня все свободное время!

Я снова возражала, так как знала и видела, что свободного времени у него всегда было много, в том числе и на работе. Это я знала наверняка, так как с ним вместе в этой фирмочке работала моя подруга. Затем Сергей зацепился за этот дурацкий квартирный вопрос: моя мать полгода назад помогла Ольге – старшей моей сестре с квартирой. Они с мужем взяли ее в ипотеку, мама помогла им с первым взносом. Сергея почему-то ужасно раздражал этот факт, поскольку он считал, что нам мать должна была помочь в первую очередь: ведь мы еще учились, а сестра с мужем уже давно работали.

В общем, слово за слово, там еще какие-то мелочи были... И он меня тогда в первый раз ударил. Знаете, это было ужасно неожиданно как-то. Ведь он был

тихоня, да и любила я его. Я совсем-совсем и не думала, что он способен... так ударить. И удар был, знаете, какой-то странный: я не подозревала, что можно так – женщину. Ведь это называется в «под дых», кажется? Да? Вот в живот, как-то зло и очень сильно. Меня скрутило, я даже упала, не поняв, что произошло. А он вышел из кухни в зал.

Когда он вернулся, я бледная, как полотно, сидела на табуретке. Слезы уже высохли, во рту была горечь, сушь какая-то. Он наклонился ко мне (трезвый, вы понимаете?) и тихо, но отчетливо сказал:

– Еще раз услышу, что возражаешь мне – получишь больше!

И вышел в зал. Я сидела до утра, пытаюсь понять, как же это так всё вышло? Мне было страшно и не понятно, совсем не понятно это. Ведь он был другой, ведь мы любили друг друга! И тут – ведь, верите мне, даже и ссоры какой-то особой не было, и гнева-то особого! Не в страшных по силе эмоциях или по пьяни – а вот так холодно и жестко, через несколько месяцев совместной жизни... Что, что с вами?

Вера Сергеевна с беспокойством поднялась. Я сидел перед ней бледный; руки мои были припечатаны к боковинам кресла – так, чтобы не позволить им подняться. Нечто действительно странное происходило со мной в течение всего ее рассказа. Чем далее она описывала историю своего замужества, тем все более я испытывал невероятное, дикое, ничем не объяснимое желание ударить сидящую напротив меня женщину. И ударить вполне определенно – я знал, как именно это сделать, чтобы ошеломить жертву, сломать ее и духовно, и физически в мгновение ока. И при этом – не повредить лицо! О-о! Это неременное условие...

Когда же она произнесла это словечко «под дых», напряжение мое достигло апогея, по всему телу пошла какая-то судорога – и вот тут-то Долинина, увлеченная своим рассказом, наконец-то заметила происходящее со мной и вскочила на ноги. Я тотчас пришел в себя и успокоил собеседницу.

– Ничего-ничего... Прошу вас продолжать. Впрочем, давайте чаю, три минуты – просто чаю, – сказал я, задыхаясь. Долинина принялась молча разливать чай, тревожно посматривая на меня.

Неожиданно я услышал рычание. Обернувшись назад, я увидел, что Серый, отойдя от Светы, весь вытянулся и, изобразив стойку собаки, готовой напасть, ощерился в нашу сторону.

– Ты чего, Серый? – я присвистнул и поманил его. Пес вздрогнул, всё еще осторожно посматривая на меня, а затем, завиляв по обыкновению хвостом, подошел ко мне и милостиво принял ласку между ушей – как ни в чем не бывало.

Рычание пса насторожило Веру Сергеевну, которая еще была под впечатлением моего странного поведения.

– Знаете, Вера Сергеевна, – нарушил я затянувшееся молчание, все еще глядя собаку, – ваш муж, бывший муж Сергей был ведь еще и ревнивым человеком? Стра-ашно ревнивым, не так ли?

Долинина замерла с чайником в руке; краска бросилась ей в лицо, и она пришла в полное замешательство.

– Вы... Александр... Я... – она снова замолчала, поставила чайник и встала с кресла.

– Нет, нет, прошу вас! – с беспокойством воскликнул я, уже совершенно оправившись от недавнего приступа сильнейшего (необычного даже для меня) проявления моей обостренной чувствительности. – Вера Сергеевна, поверьте, всё абсолютно нормально, более того: мое поведение, которое, скорее всего, представляется вам сейчас непонятным и даже вздорным, обязательно получит свое объяснение в дальнейшем. Обещаю вам!

Она снова села.

– Да, он страдал... эта ревность. Но как вы смогли это узнать? Ведь я еще не упоминала об этом...

– Итак, он вас ударил, Вера Сергеевна, – уверенно и настойчиво проговорил я. – Прошу вас: продолжайте. Только умоляю вас: говорите все искренне, без утайки – именно в этом суть всего нашего эксперимента.

– Да-да! – как-то машинально пробормотала Долинина, но затем собралась духом и продолжила. С каждым предложением она всё больше оживлялась, и вскоре снова вдохновилась на детальное описание своей семейной жизни.

– Я не знаю, как это вы... угадали. Действительно: он был жуткий ревнивец. Это проявилось почти сразу, но вначале нашей совместной жизни я считала это даже его достоинством: ну, знаете, это банальное, бабское: ревнует – значит, любит...

Я, в принципе, в молодости была недурна собой, в студенческие годы дружила сразу с несколькими парнями. И, естественно, продолжала дружить и после того, как стала встречаться с Сергеем. Когда же мы зарегистрировались (свадьбы, можно считать, и не было: так – гулянка для своих), он буквально на следующий день мне сказал, – знаете, это было подано как шутка, но в глазах его, когда он произносил так запомнившуюся мне фразу, светило такое... такое чувство, очень серьезное... Мне страшно стало. Так вот он мне сказал: «Запомни, Вера, ты теперь моя и только моя! И я – твой. И никого другого нам не надо, слышишь!». Его, например, жутко раздражали звонки на мой сотовый любых незнакомых ему мужчин, – особенно если звонили в его присутствии, и я – для того, чтобы поговорить, – уходила в другую комнату. После этого он обычно принимал на себя «обет молчания» и мог не разговаривать со мной целый день...

Но так было до того, как он меня в первый раз ударил. После этого началось что-то ужасное. Он заставил меня удалить все номера из мобильного, которые относились к другим мужчинам – сначала всех моих школьных и студенческих друзей, а затем добрался даже до двоюродных братьев. Те несколько месяцев, которые я жила с ним после случая на кухне, я до сих пор вспоминаю с

содроганием... Много было и других гадких сцен, о которых, Саша, я бы не хотела рассказывать: это утомительно, да и, наверное, мало что добавит к тому, что я уже сказано... Ведь для вашего эксперимента важны в первую очередь мои ощущения, ведь так? Да я и не могу вам сообщить что-то другое о своей семейной жизни: здесь, по-моему, нельзя быть «объективным»...

В конечном итоге я стала его глубоко ненавидеть, это было почти физиологическое отвращение, страшно усиливающееся во время, ну... – она осеклась и посмотрела в сторону дочери. – Ну, вы понимаете... Когда мы с ним вынуждены были оставаться один на один – по ночам... Все-таки ребенок первое время как-то компенсировал все эти взрывы ненависти, однако потом сцены начали происходить и в присутствии Светы. Особенно запомнился один такой эпизод. Я именно его еще хочу рассказать, чтобы больше уже не возвращаться к описанию моей жизни с Сергеем.

Он вернулся в тот день вечером, часу в седьмом. Как обычно, мы поужинали. Настроение у него было вроде бы хорошее. Я уже тогда начала его страшно бояться и поминутно размышляла о том, как уйти, сбежать от него: я отлично понимала, что просто так он меня не отпустит. Про себя я называла его «чудовищем» – не иначе...

Моя мать знала об этом немного, кое о чем сама догадывалась, но я ее старалась лишней раз не беспокоить: достаточно было проблем, которые она выслушивала почти ежедневно от моей старшей сестры.

Как начался очередной скандал, я уже не помню: скорее всего, он нашел на журнальном столике мою записную книжку с телефонами – единственную из оставшихся, поскольку остальные он при мне разорвал. Как назло, я не успела спрятать ее до его возвращения. Несомненно, это была какая-то болезнь, бред ревности, который, однако, начинался у него всегда в форме обвинений в том, что я испортила ему жизнь, не дала ему доучиться и т.п.

Когда он довел себя до иступления (кажется, ему даже нравилось это состояние), он начал меня бить так, как никогда еще не бил. Снова началось вот это самое ужасное: ведь он служил в армии, какие-то такие войска... Понимаете, я не успевала уловить тот момент, когда он собирается ударить, и поэтому даже не могла защитить себя. И вот тогда я в каком-то забытии от собственных криков, боли, зверского его выражения лица, увидела нашу девочку: ей было уже месяцев семь, она еще ползала, не ходила. Она сидела на попе в коридоре и смотрела на то, как муж на кухне бьет меня. Меня всех больше поразили ее глаза: они были пусты и равнодушны к происходящему. Понимаете? Она уже привыкла к этому всему: ведь от ребенка нельзя скрыть постоянные скандалы – тем более в однокомнатной квартире. Она так привыкла к этому, что для нее сцена избиения матери стала нормой!

И вот тогда я поняла, что в этой истории должна быть поставлена точка.

На следующее утро, когда он ушел на работу, я схватила ребенка, собрала все свои вещи, какие смогла увезти, и уехала к родственникам, живущим в Саратове... Матери ничего не сообщила. Он приходил к родителям неоднократно, пытаясь выяснить, где я, – до тех пор, пока отец не спустил его с лестницы, – вызывали даже милицию. Кстати, бывший муж тогда ужасно струсил, – это мне потом рассказывали... Ну, далее – тоже банально: развод, алименты через суд, это, наверно, не так интересно да и не стоит об этом, – Вера Сергеевна прервалась, как бы давая слушателям перевести дух.

Во время ее рассказа я несколько раз снова принимался бороться с какими-то приступами ненависти-любви к моей собеседнице, помогая себе только тем, что четко давал понять своему сознанию, что переживаемое мною не является собственно моими ощущениями и мыслями. Каждый новый приступ был все слабее и слабее, словно я постепенно обучался их контролировать. Во время рассказа об эпизоде с маленькой Светой, я невольно повернулся в сторону

дочери Долининой и увидел, что девочка совсем расстроилась и едва сдерживает слезы.

– Давайте действительно остановимся, отвлечемся, что ли, – предложил я. – Тем более я бы хотел уже сейчас немного рассказать о себе – для того, чтобы вы поняли мои дальнейшие комментарии к вашей семейной истории.

Я постарался достаточно детально рассказать ей о своих «способностях» и «приступах»; поведал ей кое-что из своей биографии – в общем, всё то, что собственно побудило меня уйти из семьи и очутиться на этом вокзале – описал ей даже свое «расширение» и встречу с Серым. Не скрыл и тех мотивов, которые руководили мною, когда я заговорил со Светой. Меня внимательно выслушали – кажется, всё с возрастающим удивлением и беспокойством.

– Одно из проявлений этих самых «способностей» вы могли наблюдать сами, – я заключил почти получасовой спич описанием своего приступа ярости и любви-ненависти, пережитых мною во время ее рассказа. Не забыл и упомянуть о том, что едва-едва сдержался, чтобы не ударить мою собеседницу. Та вздрогнула, услышав об этом.

– Я, несомненно, чувствовал то самое, что переживал ваш первый муж – даже, наверное, ощущал какой-то сплав его эмоций и вашего восприятия этих эмоций... Именно поэтому, как мне представляется, я смогу объяснить и себе и вам некоторые причины вашей семейной катастрофы, – тут я замолчал, готовясь изложить самую сложную часть моего выступления – ту, о которой сам имел весьма смутное представление.

Во время всей моей речи Долинина молчала, лишь изредка с некоторым тревожным любопытством поглядывая на меня.

– По-моему, – произнесла она, не скрывая некоторого смущения и какой-то едва заметной снисходительности в тоне, – вам самому требуется серьезная психологическая помощь...

– Я и не предполагал, что вы... Я сам бы на вашем месте оценил свой рассказ именно так – с изрядной долей недоверия. Однако же вы совершенно верно отметили главное: мне так же требуется помощь, как и вам. Я уверен, абсолютно уверен в том, что если смогу сделать всё, что в моих силах, чтобы решить вашу проблему, то тем самым помогу и себе!..

– Но как, как же... – начала, было, она, однако я перебил ее.

– Позвольте, Вера Сергеевна, я поясню подробнее. Я уже упоминал о том, что во время вашего рассказа я... я, так скажем, сумел встать на точку зрения вашего первого мужа, полностью с ней отождествиться, я как бы и был им...

– Вы знаете, – перебила она меня и как-то криво усмехнулась, – Сергей много лет назад умер – насколько я знаю, от осложнений после сильной простуды. Так что ваше это самое «отождествление»...

– Это в данном случае не важно, – возразил я, – главное в том, что мы беседуем с вами о «как если бы...», – я описываю ровно то, что испытывал он, как если бы я и был Сергеем... Понимаете? Но я не прошу вас верить в это! Ведь не в этом смысл нашего общения или, как я назвал это, – «эксперимента»: я прошу только очень внимательно подумать над тем, что я скажу в отношении вас и вашего бывшего мужа.

То, что произошло у вас с Сергеем, обусловлено не только его особенностями характера или его бредом ревности. Дело в том, что вы подходите друг к другу, как ключ к замку. Ваша встреча с ним и замужество – не случайность, а даже необходимость и является своеобразным лекарством для вас обоих. Кроме того, благодаря этому появился и ваш чудесный ребенок, – я кивнул в сторону Светы. – Я, наверное, плохо излагаю свои мысли и чувства, но поверьте: делаю это от всего сердца и искренне. В вас самой есть то, что вы осудили в Сергее, – нечто, заставлявшее его нападать на вас и так по-скотски относиться к вам. Какое-то мучительное свойство вашей души, вашего характера, всего вашего внутреннего существа. Вот это-то и надо изменить, в

этом всё мое к вам сообщение: исправите себя – изменится и вся ситуация вокруг вас. Вы понимаете меня?

– Да, я... – пролепетала Долинина: видно было, что она в совершенной растерянности. – Я, кажется, и поняла вас, и не поняла одновременно. Я эту вашу идею о каких-то сверхспособностях, которыми вы будто... которые будто есть у вас, – так в это я совсем не верю... и не принимаю. Но то, что мы с моим первым мужем были очень похожи по характеру, склонностям и многому другому, – вот это совершенно так, это – правда...

– Разрешите я продолжу, – заговорил я, снова чувствуя некое вдохновение. – Его стремление избить, полностью подчинить вас, его жуткая, болезненная ревность, весь этот чудовищный ком эмоций, замешанный на любви-ненависти, который я сам, сам, верите вы или нет, только что пережил – это не просто черта его характера, это то его свойство, которое именно на вас и должно было реализоваться. При встрече с другой женщиной, он, быть может, и не смог бы проявить себя так ярко, так отвратительно явно. Еще точнее: он и не мог встретить эту другую виртуальную женщину, но был «рассчитан» именно на вас – чтобы вылечиться самому и исцелить вас, – я ощущал все большую уверенность в своих силах, и голос мой приобрел несвойственную мне твердость. – Более того, вы умудрились передать это и своей дочери, которая также наследовала это внутреннее содержание, провоцирующее соответствующую семейную историю и несчастную судьбу.

Вера Сергеевна вдруг всплеснула руками и встала.

– Ну, знаете! – лицо ее исказил самый настоящий гнев. – Вы изображаете из себя не понятно кого – пророка ли, экстрасенса ли, – Бог знает кого! Вы совсем, слышите, совсем не психолог! Что за абстракции, какие такие черты характера, я ничего не понимаю!

– Мама! – вдруг раздался властный голос молчавшей до этого Светы. – Я очень тебя прошу дослушать то, что скажет... можно я буду вас называть «дядь

Сашей»? – и уже более смягченным тоном добавила: – Мама, правда, будет глупо, если мы, потратив столько времени и эмоций, неожиданно прервем всю беседу! Ведь не будет от этого хуже, мама! Хуже уж точно не будет. А дядя Саша – я это чувствую – действительно старается помочь...

Я улыбнулся ей в ответ; особенно забавным мне показалось это ее «дядь Саша».

– Я думаю, что наше общение действительно будет полезным и вам, и мне, – продолжил я, радуясь поддержке дочери. – Поверьте: вы – первые, кому я так открыто и так подробно рассказал о своих «способностях», до конца мне не понятных самому. Я очень, очень извиняюсь, что солгал вам – и про кафедру психологии, и про остальное. Но я несколько не врал относительно «эксперимента» – это общение и есть наш совместный жизненный эксперимент, от которого зависит дальнейшая судьба всех собравшихся здесь. Ведь я тоже – беглец из собственного дома, вы не забыли?

Вера Сергеевна постепенно успокоилась и снова села на свое кресло.

– Я прошу извинить меня: все эти воспоминания, наш побег, ваши странные слова... – голос ее снова дрогнул, и она закрыла лицо руками. Света бросилась к ней и обняла ее. Я подождал пока все страсти улягутся, поскольку и сам почувствовал, как горький ком слез подступает к горлу.

– Я продолжу, с вашего разрешения, – снова обратился я к моим слушательницам. – Уверен в том, что бегство от ситуации, которое мы с вами совершили – это не выход. Нельзя убежать от самих себя, тем более, что вы, Вера Сергеевна, сегодня делаете это, кажется, во второй раз. Я заранее прошу прощения у вас за то, что скажу далее: ваша главная беда – внутренняя гордость и жутко завышенные ожидания в отношении ваших близких. Я это знаю наверняка, поскольку сам страдаю именно этим. Мало того, Вера Сергеевна, я еще и самый банальный эгоист: ведь, повторяю, моя так называемая «помощь» вам замешана именно на чувстве самосохранения: вы – мне, я – вам. Ваши

ожидания от мужа, точнее – от мужей: какими именно они должны быть, как должны к вам относиться, какие иметь привычки и степень духовного развития – эти ожидания таковы, что они просто обязаны им не соответствовать, чтобы лечить вас, исцелять вас – от вас же, от вашей внутренней болезни! – я прервал себя и, вскочив, стал расхаживать по номеру – от стены к стене. – Господи! Видимо, не то я говорю, не то!.. И не так, как надо бы: не могу я точнее выразить свои переживания!

– Саша! – вдруг заговорила Вера Сергеевна уже гораздо более спокойным голосом. – Я вполне поняла всю искренность вашу и готовность помочь. В том, что вы говорите, есть доля правды. Однако я вижу также, что вы молоды и мыслите несколько абстрактно, пытаетесь решить чужие проблемы и жизненные конкретные ситуации через какие-то надуманные схемы и общие разговоры об «изменении себя»...

– Вот, вот именно об этом как раз дядя Саша и говорит, – перебила мать Света. – Именно на это он, мама, тебе и указывает – на гордость нашу «фамильную», ведь и во мне она есть! И в твоих словах сейчас очень четко она слышна!.. Какая-то внутренняя жесткость, что ли, наша – жесткость ко всему: к миру ко всему, понимаешь мама?

Я кивнул, с радостью и удивлением осознав, что Света уловила как раз то, что ускользало и от матери, и от меня.

– Ах, возможно, возможно, вы все правы! – с некоторым раздражением и опять со слезами в голосе произнесла Долинина. – Но ведь все эти наши разговоры не изменят ситуацию, не переделают Игоря, моего второго мужа?

– Расскажите немного и о нем: ведь именно из-за отношений с ним вы очутились здесь, на вокзале?

Вера Сергеевна невольно кинула взгляд на круглые часы, висевшие на стене: было уже около восьми вечера.

– Я займу у вас еще не более получаса, – поспешил успокоить ее я.

– Ах, нет! – она чуть порозовела в лице, что очень шло ей. – Я о поезде только беспокоюсь!.. Да, теперь об Игоре. Это, конечно, совсем другой человек. Сергей, на мой взгляд, был просто психически не здоров, – как бы мы здесь с вами его не оценивали. А Игорь – так тот просто... пьяница. Только и всего. Я приехала из Саратова через пять лет после своего побега от Сергея. Случайно узнала, что первый муж скончался и решила вернуться. До этого я приезжала к матери всего два или три раза – настолько я боялась возможности повстречаться с этим... человеком.

Игорь работал шофером в той сети магазинов, в которую я устроилась бухгалтером. Встречались мы долго – почти два года. Я все пыталась «проверить» его, понять, что он за человек, да и хотела, чтобы Светик к нему привыкла. Проверяла-проверяла да вот видите – опять наткнулась на те же грабли. Не то чтобы он был плохим – ревнивцем или что-то подобное. Нет, – обычный мужик, честный, работающий, очень надежный в бытовом плане. Правда, порой скучный, очень молчаливый... Да меня он и такой устраивал: достаточно было болтовни на работе. В итоге мы с ним расписались, я перебралась с дочкой в его двухкомнатную (он сам был разведенный; от первого брака детей у него не было; о предыдущей своей жене рассказывать мне не любил).

Испортила его, собственно говоря, эта самая рыбалка с друзьями по выходным. Именно с нее он начал пить запойно. Я убеждала его, уговаривала, плакала, умоляла, – всё бесполезно. Затем запой стали затягиваться на несколько дней, даже недель. С работы его, конечно, через некоторое время попросили, хотя я сделала всё, чтобы этого не случилось. Ну, а потом он принялся банально драться. Ну, слава Богу не так, как мой первый, – не так зло и неожиданно, но зато как-то по-дикому: с ножом кидался; Свете тоже не раз доставалось.

Полгода назад мы решили разъехаться. Я с дочерью жила сначала у моей старенькой матери, затем стала снимать квартиру неподалеку от ее дома. Он после того, как мы ушли, немного поутих, ну, а затем стал являться на работу, просить денег, встречать дочь из школы. Я ему понемногу давала, но вместо благодарности он, быстро привыкнув к подачкам, – начал угрожать и требовать. Я обращалась в милицию, но они, есть пользоваться их жаргоном, задерживать его «без состава преступления» не могут. Ну, лежит у них мое заявление, а что толку – ведь он с ножом все время ходит! Ему нужны только деньги на водку – больше ни о чем и думать не может! Он и стекла мне бил в той квартире, которую я снимаю. Это он, он – кто же еще мог это сделать?!

Вот я и не выдержала и по совету матери решила на некоторое время уехать к родственнице в Саратов; затем, конечно, хочу вернуться – сменю при этом и место жительства, и дочь переведу в другую школу, хоть ей это и тяжело будет – ведь заканчивает она в следующем году. А Саратов – как говорится, испытанное уже средство, – она слабо улыбнулась. – Вот и вся история. Банально всё, конечно. Не знаю уж, гордость ли моя здесь виновата или еще что-то... По-моему, – так просто на мужиков нормальных не везет, повывелись, что ли, они все...

– Они потому к вам такие и притягиваются, как к магниту, и даже изменяются в соответствии с вами, с вашим внутренним устройством. Я уже говорил вам... – я тоже улыбнулся, помолчал, а затем решительно произнес: – Действительно, пора завершать нашу беседу. Я обещал Серому еще часа три назад прогуляться. Вы же можете за оставшееся время подготовиться к поезду. За оплату номера не беспокойтесь – я все улажу. А к самому вашему отъезду приду вас проводить на перрон. Идет?

– Идёт! – опять за мать ответила дочь. Я привстал и позвал пса. Тот радостно зашевелился, даже заскулил, предчувствуя свободу.

– Да. Я всё-таки... – заметно было, что Долинина волновалась. – Я всё-таки очень благодарна вам за ваш «эксперимент». Уверена, что наша беседа поможет мне разобраться... в самой себе разобраться...

– Я думаю, что наша встреча поможет и мне – также понять, в чем суть моих проблем. Спасибо вам!

Через пару минут я выбежал с совершенно счастливым Серым на улицу. Холодный, почти морозный воздух поздней осени освежил меня, привел разбросанные мысли и чувства в порядок. Я поднял глаза к темному небу и увидел, как на низко плывущих ночных облаках отражается розовый свет вокзала... Спустя некоторое время я принялся искать куда-то пропавшего пса. Однако, потратив минут пятнадцать, понял, что это бесполезно.

– Неужели я надеялся, что собака, прожившая всю жизнь в бродяжничестве, так быстро свыкнется с неволей? Пусть и с сытной едой, и с вафельным белым полотенцем?.. А может, я и впрямь всё это выдумал – и «связь» эту с Серым, и свое «расширение»... Да и женщине этой бедной столько чепухи наговорил, – просто несусветной! Что я знаю о ее жизни? Какая внутренняя «гордость», о чем я?.. – я вернулся к себе в номер в прескверном настроении. Часы показывали десятый час вечера.

– Через тридцать минут их поезд уедет. А с чем останусь я? Со своей обостренной чувствительностью, которая, как на грех, когда переживается мною, – реальнее самой реальности. А когда нет ее – я вновь и вновь сомневаюсь в этих своих «способностях», в том, что всё это серьезно и имеет потрясающее для меня значение.

А что же для себя-то я «открыл» и вынес из всего нашего общения? Что же – я стал меньшим эгоистом? Чему я научился и с чем вернусь к Лене и Владуку?.. Боже! – я словно проснулся. – Ведь от меня ни слуху ни духу не было уже около двух суток! Лена, наверное, с ума сходит и обзвонила всех, кого

только возможно! – я рванулся, было, к сотовому, чтобы вставить прежнюю симку и позвонить жене. Но остановил себя.

– Вот провожу Долининых – а там и позвоню. Там и – вернусь, – решил я. Спустившись вниз, я сообщил, что мы освобождаем оба номера – и мой, и долининский; потом расплатился за дополнительные услуги. На часах было уже 21-25.

Я поспешил к вокзалу, по пути оглядываясь по сторонам в надежде обнаружить Серого. Но собаки нигде не было видно. Узнав, на каком перроне стоит поезд на Саратов, я почти бегом преодолел подземный переход.

– Я ведь не знаю номера их вагона! – промелькнуло у меня в голове. Я быстро начал перемещаться вдоль поезда, стараясь заглядывать в окна. Они, конечно, уже в вагоне, но, может быть, также смотрят в окно и ждут меня...

Вдруг тело охватил знакомый озноб, сигнализирующий об очередном «приступе» способностей, но я уже не опасался этого.

Возникло четкое ощущение, что вся ситуация с поиском нужного вагона мне очень знакома. Ну, конечно же! Сон! Я напряг память в тщетном усилии вспомнить, как выглядел тот вагон, который я увидел во сне, провожая моих новых знакомых...

– Дядь Саш! – раздался голосок Светы совсем рядом. Чрезвычайно обрадованный, я увидел стоявшую на ступеньках белокурую девушку, а в глубине вагона успел заметить черное пальто Веры Сергеевны.

– Как же хорошо! Как же хорошо, что я вас нашел! – почти прокричал я в каком-то восторге. – А Серый, представляете, куда-то делся! Он ведь вокзальный пес. Вот и исчез...

– Ничего, найдете! – приободрила меня Света, и глаза ее тоже блестели от радости, хотя лицо было немного бледным и снова усталым.

– Знаете, – сказал я, надеясь, что Вера Сергеевна, стоявшая к нам вполоборота, тоже слышит меня, – я так рад, что мы с вами познакомились! Это всё совсем-совсем не случайно. Вы верите в это?

– Оставьте нам свой номер! – не ответив на мой вопрос, проговорила девушка. Я быстро продиктовал ей свой сотовый. Вышла проводница – уже пожилая женщина в стандартном темно-синем пиджачке. Она потеснила Долининых назад и стала запирает дверь вагона.

– Да постоит же! – вдруг прозвенел голос Веры Сергеевны. Она высунула в щель закрывающейся двери голову и прокричала:

– Саша, вы правы! Я всё обдумала и, наверное, что-то поняла для себя. Я обязательно, обязательно позвоню вам – тогда, когда буду к этому готова!

Проводница недовольно пробурчала что-то и захлопнула дверь. В репродукторе снова послышалось объявление об отправлении поезда на Саратов. Вагоны через минуту дернулись и поплыли в освещенной электричеством темноте. Я побрел к камерам хранения за чемоданом...

Той ночью, слыша, как ворочается во сне рядом со мной Лена, я снова поднимался над вокзалом на черных, слегка влажных крыльях какой-то птицы. Серый уже не был так тоскливо, откликаясь на стук проезжающих товарняков, а лежал под одной из вокзальных лавок, беспокойно перебирая лапами во сне. Вместе с обычной и воспитанной десятилетиями печалью старого вокзала мне чудилось и нечто новое, – что-то умиротворяющее и теплое, родное. Какое-то спокойствие и тихая радость спустились в ту ночь мне в душу. Именно к ним я обращался затем в трудных ситуациях. Искал опору и – находил.